

О современной внешней политике КНР

© 2019

В.Я. Портяков

Статья посвящена анализу основных особенностей современного внешнеполитического курса Китая. Показано, что ведущее место в теоретической базе деятельности КНР на международной арене ныне занимают суждения Си Цзиньпина о человечестве как сообществе единой судьбы и его «Инициатива Пояса и Пути». Однако прослеживается и влияние взглядов руководителей КНР предшествующих поколений. В практической политике главным приоритетом Пекина остаются отношения с Вашингтоном, заметно осложнившиеся с повышением по инициативе Д. Трампа тарифов на импортируемые из Китая товары.

Ключевые слова: Китай, внешняя политика, концептуальные основы, человечество как сообщество единой судьбы, «торговая война» с США.

DOI: 10.31857/S013128120003917-9

I

Современный идейно-политический ландшафт в Китайской Народной Республике характеризуется абсолютным доминированием взглядов и суждений лидера партии и страны Си Цзиньпина практически во всех значимых сферах общественной жизни. С повышением значения, придаваемого в Пекине внешней политике страны, и с активизацией, особенно после XIX съезда правящей Коммунистической партии Китая, китайской внешнеполитической пропаганды подобное доминирование распространилось и на сферу международных отношений КНР. Может показаться, что основополагающие для позиционирования современного Китая в мире положения Си Цзиньпина о человечестве как сообществе единой судьбы и продвигаемая им «Инициатива Пояса и Пути» едва ли не всецело определяют как концептуальные подходы Пекина, так и его нынешний практический внешнеполитический курс.

На наш взгляд, это не совсем так. При всей важности и ведущей роли суждений Си Цзиньпина определенное место в концептуальных основах и в практической внешней политике КНР на современном этапе занимают идеи и доктрины, унаследованные от лидеров КПК и КНР предыдущих поколений.

От эпохи 1950-х годов нынешний Китай позаимствовал официально декларируемое следование во внешней политике принципам мирного сосуществования. Базовая для Мао Цзэдуна теория «трех миров» в целостном виде не соответствует реалиям нынешней международной жизни. Однако ее отголоски чувствуются в неизменной самоидентификации Китая как развивающейся страны, а в какой-то мере — и в китайском разделении государств мира на крупные, соседние и развивающиеся.

От Дэн Сяопина современный Китай берет, прежде всего, ориентацию на независимость и самостоятельность во внешней политике. В основном, как считают в Пеки-

не, сохраняет актуальность данное Дэн Сяопином определение современной эпохи как эпохи «мира и развития». Периодически эта дефиниция дополняется теми или иными элементами, например, такими, как «сотрудничество», «взаимный выигрыш», но окончательно закрепить обновленную версию в массовом сознании и политическом дискурсе пока не удается.

Сложнее обстоит дело с известной максимой «*таогуан янхуэй*» — «держаться в тени, стараясь ничем не проявлять себя». Это выражение, составляющее стержень внешнеполитических заветов Дэн Сяопина, с начала 1990-х годов добрых два десятилетия определяло основной стиль поведения Китая в мировых делах. Сомнения в его применимости к стране, сначала переместившейся с политической периферии Азии в разряд крупных акторов Азиатско-Тихоокеанского региона, а затем стремительно вошедшей в первый ряд мировых держав, всюду высказывались в КНР уже в последние годы пребывания у власти Ху Цзиньтао. После того как бразды правления перешли к Си Цзиньпину, Китай, по общему мнению, перестал «держаться в тени» и перешел к активной внешней политике и инициативному участию в глобальном управлении, приближаясь, как констатируют в Пекине, «к центру мировой арены». Соответственно, о заветах Дэн Сяопина вспоминать почти перестали.

Тем не менее, судя по ряду китайских публикаций, тему нельзя считать окончательно закрытой. Например, известный специалист по международным отношениям из Народного университета Китая Цзинь Цаньжун в монографии «Китайская мудрость: внешняя политика Китая со времени XVIII съезда» высказал мнение о необходимости и впредь совершенствовать и поддерживать курс «*таогуан янхуэй*», ставший важной составной частью китайской модели. Цзинь Цаньжун полагает, что Китаю выгодно по-прежнему придерживаться оборонительной стратегии, основанной на принципе «держаться в тени, стараясь ничем не проявлять себя». На стратегическом уровне главной должна быть «мягкость», дополненная некоторыми элементами «жесткости». Это создавало бы условия для приоритетного решения внутренних проблем. Напоборот, на тактическом уровне следует занимать активные позиции, защищая государственные интересы и беря на себя надлежашую международную ответственность. Здесь главенствующая «жесткость» дополняется элементами «мягкости»¹.

При Цзян Цзэминь было положено начало установлению Китаем партнерских отношений с различными государствами. Пекин, следуя принципу «компаньоны, но не союзники» («*цзебань бу цземэн*») к настоящему времени создал глобальную сеть партнерских отношений различных форматов². На начало 2017 г. их установили с КНР свыше 90 стран и международных организаций. Этот процесс достаточно активно продолжается и при Си Цзиньпине.

Еще одним существенным наследием «цзянцзэминьской эпохи» является проведение Китаем акцентированной политики в отношении соседних с ним государств. Старт ей был дан отчетным докладом Цзян Цзэминя на XVI съезде КПК в ноябре 2002 г.

Наконец, начатое при Цзяне в 1999–2000 гг. стимулирование выхода китайского бизнеса за национальные границы («*цзоучуцзюй*», т.е. выход вовне) явилось предтечей «Инициативы Пояса и Пути».

Концепция «гармоничного мира», которую в 2005 г. в выступлении на Генеральной Ассамблее ООН представил Ху Цзиньтао, означала, полагает Цзинь Цаньжун, старт подхода Китая к международным делам с позиций его самоидентификации как ответственной державы. Усиление внимания КНР к многосторонней и общественной дипломатии, вытекавшее из концепции «гармоничного мира», способствовало успешному проведению в Пекине летней Олимпиады в 2008 г. и всемирной Экспо в Шанхае в 2010 г., улучшив образ Китая за рубежом³. Тем не менее очевидный элемент утопичности делает концепцию «гармоничного мира» не слишком востребованной в настоящее время, хотя она сохраняется в политическом дискурсе Пекина, по крайней мере, в «запасниках».

Заметно более прочные позиции занимает сегодня концепция «мирного развития Китая», пришедшая на смену сформулированной группой китайских экспертов во главе с Чжэн Бицзянем в 2003 г. концепции «мирного возвышения Китая». Основываясь именно на ней, Пекин настойчиво пропагандирует «исключительно мирный» характер своего развития, создающий благоприятный фон для углубления взаимовыгодного сотрудничества практически с любыми государствами мира.

II

XIX съезд правящей Коммунистической партии Китая вкратце обобщил выше-названные концептуальные элементы современного внешнеполитического курса страны, акцентировав при этом внимание на приоритетах, отвечающих задачам дня и ближайшей перспективы.

В отчетном докладе Си Цзиньпина съезду заявлено, что «дипломатия великой державы с китайской спецификой призвана содействовать созданию международных отношений нового типа и сообщества единой судьбы человечества»⁴.

Во внешнеполитическом разделе отчетного доклада, озаглавленном «Неизменно идти по пути мирного развития, стимулировать создание сообщества единой судьбы человечества», международные отношения нового типа охарактеризованы как основанные «на взаимном уважении, равенстве и справедливости, сотрудничестве и всеобщем выигрыше».

Строительство «сообщества единой судьбы человечества» диктует необходимость взаимного уважения различных стран, отказ от менталитета холодной войны и политики силы, преодоление разногласий через диалог и консультации.

Подчеркнута дальнейшая готовность Китая стимулировать международное сотрудничество в рамках «Инициативы Пояса и Пути». Отмечено, что Китай, как ответственная держава, будет активно участвовать в совершенствовании глобального управления⁵. Важным новшеством явилось включение положений о сообществе единой судьбы человечества и «Инициативы Пояса и Пути» в Программную часть Устава ЦК КПК⁶.

Сразу после завершения съезда и до конца 2017 г. в Китае была развернута масштабная пропагандистская кампания по разъяснению его итогов. Самое активное участие в освещении внешнеполитических решений XIX съезда КПК приняли министр иностранных дел КНР Ван И, ставший в марте 2018 г. членом Госсовета КНР, а также Ян Цзечи, избранный на съезде членом Политбюро ЦК КПК и вскоре занявший пост руководителя канцелярии Комиссии ЦК КПК по внешним делам.

Так, в авторской статье в газете «Жэньминь жибао» Ван И констатировал, что внешнеполитические положения доклада Си Цзиньпина на съезде «всесторонне определили задачи и направления внешней политики страны на последующий период», стали «компасом действий китайской дипломатии в новую эпоху». Создание международных отношений нового типа и строительство сообщества единой судьбы человечества охарактеризованы как «центральные, самые важные понятия» внешнеполитического раздела съездовского доклада, отвечающие на вопрос «какая внешняя политика нужна Китаю»⁷.

Ян Цзечи посвятил одну из своих статей детальному разбору концепции «строительства сообщества единой судьбы человечества», выделив в ней политические, экономические, культурные, экологические аспекты, а также компонент борьбы за всеобщую безопасность⁸.

Много внимания в комментариях высокопоставленных чиновников было уделено «Инициативе Пояса и Пути». Выступая 9 декабря 2017 г. на семинаре в Китайской академии международных проблем, посвященном международной обстановке и внешней политике КНР в 2017 г., Ван И назвал «Пояс и Путь» наиболее приветст-
вуете-

мым на сегодняшний день в мире «международным общественным продуктом». Пожалуй, впервые была озвучена идея, что реализация «Инициативы Пояса и Пути» не только оказывает активное и глубокое влияние на развитие производства в глобальных масштабах, но и «сможет быть долговременным двигателем строительства сообщества единой судьбы человечества»⁹.

В том же выступлении Ван И поставил перед китайской дипломатией ряд конкретных задач на ближайшую перспективу. Первой из них названо «развитие глобальной сети партнерских отношений, продвижение строительства международных отношений нового типа».

Ключевое значение здесь имеют отношения между державами, от которых зависят стабильность и спокойствие в мире. Если после XVIII съезда КПК (2012 г.) в Китае идею установления «нового типа международных отношений» адресовали почти исключительно США, то теперь в категорию держав Ван И включил также Россию и Европейский союз¹⁰. (По утверждению некоторых американских синологов, формула «нового типа международных отношений» не была принята американской стороной.) Вместе с тем такой «узкий состав» великих держав (США, Китай, Россия, Европейский союз) пока не является «каноническим». Встречается и более широкое толкование. Так, руководитель Школы международных отношений Пекинского университета Цзя Цинго включает в их число также Японию и Индию¹¹.

Вторая задача состоит в «стабильном продвижении строительства сообщества единой судьбы человечества». Как полагает Ван И, начинать этот процесс надо с соседского окружения Китая, для чего существуют «естественные условия», а продвигать — в опоре на развивающиеся страны.

Фигурирует в числе важнейших внешнеполитических задач и реализация 270 проектов, намеченных первым форумом «Пояса и Пути» высокого уровня, а также проведение в 2019 г. второго аналогичного форума¹².

III

По сравнению с концептуальными основами, практическая внешняя политика КНР отличается заметно большими нюансами.

Главным страновым направлением внешнеполитического курса Пекина в 2017–2018 гг. оставались отношения с США. В Китае любят объяснять безоговорочный приоритет связей с Америкой тем обстоятельством, что китайско-американские отношения представляют собой отношения крупнейшего развитого и крупнейшего развивающегося государств мира (самоидентификация КНР как прежде всего развивающейся страны была вновь подтверждена на XIX съезде КПК). В последние два года в этих отношениях появился новый осложняющий фактор — а именно, фактор 45-го президента США Дональда Трампа. Настороженно восприняв предвыборные обещания Д. Трампа вроде «сделать Америку снова сильной», Пекин на первых порах, тем не менее, казалось бы, сумел добиться желаемого для себя результата: найти в отношениях с Вашингтоном удовлетворяющий обе стороны «модус вивенди». Однако ни призывы избежать «ловушки Фукидида» (то есть доведения соперничества сверхдержав — действующей и потенциальной, «поднимающейся» — до военного противостояния), ни уверения в отсутствии у Китая намерений занять место США во главе мирового порядка успеха не принесли. В начале 2017 г. известный американский политолог Джозеф Най заявил, что Д. Трамп должен остерегаться еще одной ловушки — так называемой «ловушки Киндлбергера». Один из разработчиков плана Маршалла Чарльз Киндлбергер (Kindleberger) считал важной причиной кризисных явлений 1930-х годов то обстоятельство, что хотя США и заменили Великобританию в качестве ведущей глобальной державы, однако они не смогли взять на себя ее роль в предоставлении «глобальных общественных благ». Результатом

стали коллапс глобальной системы, а затем и война. В наши дни, полагает Най, «ловушка Фукидида» таится для США в представлении, будто Китай слишком силен. А ловушка Киндлбергера, напротив, порождена представлением, будто Китай все еще слаб и не способен производить «глобальные общественные блага»¹³. В конечном счете Китай, наряду с Россией, был объявлен «ревизионистской державой», стремящейся к подрыву существующего мирового порядка, и геополитическим противником США.

В Китае справедливо расценили подобные заявления как свидетельствующие о желании Вашингтона сдерживать дальнейшее развитие КНР и усиление ее позиций в мире. Пекин по-прежнему старается вести себя в отношении США крайне осторожно, «не сжигать мосты». Однако Вашингтон подчас идет на откровенно провокационные шаги, к каковым, безусловно, относится повышение таможенных пошлин на многие товары китайского экспорта в Соединенные Штаты. Пекин выдвинул лозунг «Китай не хочет торговой войны, но не боится ее и способен противостоять любым вызовам»¹⁴. Соответственно, в Китае начиная с марта 2018 г. на каждый шаг американской стороны (угрозы повышения пошлин, далее их поэтапное введение на различные группы товаров и повышение уровня пошлин) отвечали практически зеркальными ответными мерами. Пока неясно, насколько последовательно Пекин сможет проводить этот курс, ведь в данной торговой войне он, по имеющимся расчетам, рискует понести заметно большие экономические потери, чем США¹⁵. Встреча Си Цзиньпина и Д. Трампа в Буэнос-Айресе, приуроченная к саммиту группы G-20, позволила сторонам взять передышку и возобновить переговоры по торговым вопросам. Трамп отвел для нахождения взаимоприемлемого решения срок примерно до 1 марта, после чего, в случае неуспеха переговоров, применение к товарам китайского экспорта повышенных таможенных пошлин может быть возобновлено и даже расширено. Китайская сторона, в первые дни после саммита полностью воздерживавшаяся от сколько-нибудь острых комментариев, все же позволила себе указать на экономические потери США от антикитайских действий в торговле как на важный фактор, побудивший их несколько смягчить свой подход к проблеме. В любом случае, однако, реалии современных китайско-американских отношений не очень-то вписываются в формат «международных отношений нового типа».

Непростыми остаются и отношения Китая с **Европейским союзом**. Давним «камнем преткновения» выступает нежелание Евросоюза признать рыночный характер экономики КНР, что дает Брюсселю возможность в какой-то мере противодействовать чрезмерному наплыву китайских товаров в Европу.

Новым источником трений стало активное укрепление Пекином своих позиций в Центральной и Восточной Европе, для чего, в частности, всемерно используются саммиты «16+1». Западноевропейские политики, в течение ряда лет практически игнорировавшие его, вдруг увидели в этом мероприятии стремление КНР внести раскол в ряды европейских государств. Однако в целом отношения Китая с Европой характеризуются позитивной динамикой и широчайшей палитрой диалогов, взаимодействий и обменов. По-своему показательно, что если в 2017 г. стороны не смогли достичь договоренности относительно совместного коммюнике по итогам саммита КНР—ЕС, то в 2018 г. прощальный документ такого рода был согласован без особых проблем.

В декабре 2018 г. КНР обнародовала третий (после 2003 и 2014 г.) политический документ о китайско-европейских отношениях, нацеленный на дальнейшее углубление «отношений всестороннего стратегического партнерства сторон». Была выражена надежда, что Европейский союз сохранит открытость своего инвестиционного рынка и будет последовательно улучшать инвестиционную среду для китайских компаний, устранять имеющиеся здесь барьеры и препятствия (явный намек на более настороженное в последнее время отношение в Европе к китайским инвестициям).

Взаимоотношения с **Японией** выдерживались в спокойной деловой тональности, чему способствовали отмечавшиеся в 2018 г. «круглые даты» двух памятных собы-

тий — 45-летия установления дипломатических отношений и 40-летия заключения китаяско-японского Договора о мире и дружбе. В мае 2018 г. премьер Госсовета КНР Ли Кэцян нанес визит в Японию. В октябре с визитом в Китае побывал премьер-министр Японии Синдзо Абэ.

Очередное похолодание в отношениях Китая с **Индией** пришлось на лето 2017 г. в связи со строительством Пекином дороги на плато Доклам (Дунлань) на спорном участке близ границы с Бутаном, внешнеполитические интересы которого обеспечивает Индия. В Дели звучали опасения, что дорога имеет целью улучшить стратегический доступ китайских вооруженных сил к северо-восточным штатам Индии. В 55-ю годовщину китаяско-индийской пограничной войны 1962 г. такая трактовка, видимо, была рассчитана на известное нагнетание конфликта, но, благодаря выдержке обеих сторон, серьезного развития он не получил и был благополучно исчерпан. В 2018 г. состоялся ряд встреч Си Цзиньпина с Н. Модии, что способствовало определенному улучшению общей атмосферы двусторонних связей.

Китайско-российские отношения всеобъемлющего стратегического партнерства поддерживались на стабильно высоком уровне, чему во многом способствуют отлаженный диверсифицированный механизм взаимодействия в различных сферах и регулярные содержательные встречи руководителей двух государств. Объем двусторонней торговли в 2018 г. превысил рекордный уровень 2014 г. и достиг 107 млрд долл.

Особое место в международной деятельности КНР в 2017–2018 гг. занимали усилия по смягчению напряженности на **Корейском полуострове**. Для обеспечения мирного решения проблемы Китай выдвинул и вместе с Россией активно продвигал идеи «двойного замораживания» — соответственно, ракетно-ядерной деятельности КНДР и крупномасштабных совместных военных учений США и Республики Корея, и «параллельного продвижения» — к денуклеаризации Корейского полуострова и к формированию здесь механизма поддержания мира¹⁶. Несмотря на присоединение Китая к жесткому режиму санкций, наложенных на КНДР Советом Безопасности ООН, Пекину удалось после определенной заминки восстановить доверительный диалог с Пхеньяном. В 2018 г. Ким Чен Ын несколько раз посетил Китай для консультаций с китайскими лидерами относительно переговоров с американской администрацией, а затем и в целях информирования о встрече с Д. Трампом 12 июля в Сингапуре.

В ходе переговоров лидеров КНР и КНДР 7–8 мая в Даляне Си Цзиньпин констатировал, что в ходе его первой встречи с Ким Чен Ыном в марте были согласованы базовые принципы развития двусторонних отношений «в новую эпоху». В их числе — неизменность курса на развитие дружбы и сотрудничества, усиление взаимной поддержки друг друга как социалистических стран, развитие обменов на высшем партийном уровне, «усиление связей между народами двух государств»¹⁷.

В целом КНР сыграла весьма важную и незаменимую роль в позитивном развитии обстановки вокруг КНДР, в налаживании диалога Пхеньяна с Сеулом и Вашингтоном. Однако не обошлось и без «ложки дегтя»: после сокращения в 2017 г. импорта Китая из КНДР на 33%¹⁸, двусторонняя торговля продолжила падение и в 2018 г.

Ситуация в **Южно-Китайском море** сохранялась относительно спокойной. На встрече министров иностранных дел Китая и стран АСЕАН удалось согласовать для дальнейшего обсуждения единый текст проекта Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море¹⁹.

Одной из главных задач внешней политики КНР на современном этапе является обеспечение результативной **реализации «Инициативы Пояса и Пути»**.

Здесь есть определенные достижения. Важным успехом Пекина и лично Си Цзиньпина явилось принятие 15 мая 2017 г. Совместного коммюнике по итогам Круглого стола лидеров в рамках Международного форума «Один пояс, один путь», одобдившего саму «Инициативу Пояса и Пути» и отдавшего дань усилиям Китая по ее про-

движению²⁰. По свидетельству директора Института международных проблем Народного университета Китая Ван Ивэя, за пять лет со времени выдвижения инициативы развернуто крупномасштабное инфраструктурное строительство, в т.ч. железнодорожное и портовое. Общее количество поездов, проследовавших по маршруту Китай — Европа, превысило 9000²¹.

Вместе с тем «слабым звеном» «Пояса и пути» оказалась выявившаяся зависимость реализации согласованных проектов от политической ситуации в странах — реципиентах китайского содействия. В Шри-Ланке смена правительства привела к приостановке строительства ключевого для всего проекта «Морского Шелкового пути XXI века» порта Коломбо. Вслед за возобновлением строительства этого порта Китай оказал Шри-Ланке безвозмездную помощь на 400 млн юаней в 2017 г. и обещал предоставить в 2018–2020 гг. помощь еще на 2 млрд юаней²².

Смена правительств в Малайзии и даже во «всепогодном партнере» Пакистане также поставила под вопрос сооружение на их территории нескольких объектов, продвигаемых Китаем в формате «пояса и пути».

Не исключено, что и общая стратегия реализации «Инициативы Пояса и Пути» нуждается в определенном переосмыслении и корректировке.

* * *

В практической реализации своего внешнеполитического курса Китай сегодня сталкивается с немалыми трудностями. Администрация Д. Трампа делает ставку на абсолютное доминирование США в мире и, похоже, не готова к какому бы то ни было «новому типу международных отношений» и строительству «сообщества единой судьбы человечества». Появляются и все новые шероховатости в развитии сотрудничества в формате «Пояса и Пути». В данном контексте весьма интересным выглядит появление — после перерыва в несколько лет — «дэнсяопиновских мотивов» в политическом лексиконе высокопоставленных официальных лиц КНР. Так, член Госсовета Ван И, характеризуя внешнюю политику страны в 2018 г., назвал одной из ее ведущих особенностей способность, «проявляя выдержку, справляться с трудностями», относящуюся, как известно, к одному из базовых заветов Дэн Сяопина²³.

-
1. Цзинь Цаньжун. Чжунго чжихуй: шиба да илай Чжунго вайцзяо: [Китайская мудрость: внешняя политики Китая после XVIII съезда]. Пекин, 2017. С. 164–166.
 2. Цзинь Цаньжун выделяет в общей сложности 17 разновидностей партнерских отношений КНР, ранжируя их от «отношений всестороннего стратегического партнерства и сотрудничества» с Россией и «отношений всепогодного стратегического партнерства и сотрудничества» с Пакистаном до «отношений партнерства и сотрудничества» с Фиджи, Албанией, Финляндией и «отношений дружеского партнерства» с Ямайкой. См.: Цзинь Цаньжун. Указ. соч. С. 109, 112–113.
 3. Цзинь Цаньжун. Указ. соч. С. 177.
 4. Чжунгун гунчаньдан ди шицзю цы цюаньго дайбяо дахуэй вэньцзянь хуэйбянь: [Сборник документов XIX Всекитайского съезда делегатов Коммунистической партии Китая]. Пекин, 2017. С. 16.
 5. Там же. С. 46–48.
 6. Там же. С. 75.
 7. Ван И. Си Цзиньпин синь шидай Чжунго тэсэ шэхуйчжун сысян иньлин Чжунго вайцзяо кайпи синь цзинцзе: [Идеи Си Цзиньпина о новой эпохе социализма с китайской спецификой открывают китайской дипломатии новые горизонты]. Жэньминь жибао. 19.12.2017.

8. *Ян Цзечи*. Туйдун гоуцзянь жэньлэй минъюнь гунтунти (жэньчжэнь сюэси сюаньчуань чеди дандэ шицзю да цзиншэнь): [Продвигать строительство сообщества единой судьбы человечества (по-настоящему изучать и пропагандировать дух XIX съезда партии)]. Жэньминь жибао. 19.11.2017.
9. Вайцзяобу бучжан Ван И цзай 2017 гоцзи синши юй Чжунго вайцзяо няньтаохуй кайму ши шан дэ яньцзян: [Выступление министра иностранных дел Ван И на церемонии открытия семинара о международной обстановке и внешней политике Китая в 2017 г.]. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2017/1209/c1002-29696377.html>.
10. Там же.
11. *Цзя Цинго*. 2017 нянь дэ гоцзи синши ю люда тэдянь: [Шесть особенностей международной обстановки в 2017 г.] // Шицзе чжиши. Пекин, 2017. № 24. С. 16.
12. Вайцзяобу бучжан Ван И цзай 2017 гоцзи синши юй Чжунго вайцзяо няньтаохуй кайму ши шан дэ яньцзян: [Выступление министра иностранных дел Ван И на церемонии открытия семинара о международной обстановке и внешней политике Китая в 2017 г.]. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2017/1209/c1002-29696377.html>.
13. Цит. по: *Xu Jian*. China's Major-Country Diplomacy and Sino-Indian Relations // China International Studies. Beijing. May/June 2018. P. 20–21.
14. Шуй яо да маои чжань, Чжунго фэнпэй даоди!: [Кто бы ни развязал торговую войну, Китай готов стоять до конца!]. URL: <http://world.people.com.cn/n1/2018/0324/c1002-20886251.html>.
15. *Фэн Е*. Чжунмэй маои чжань дэ мин юй ань: [Явное и тайное китайско-американской торговой войны] // Наньфан чжоумо. Гуанчжоу. 29.03.2018.
16. Специальный репортаж: Китай и Россия играют конструктивную роль в содействии политическому урегулированию острых международных и региональных проблем. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2018/0503/c95181-9455858.html>.
17. Си Цзиньпин тун Чаосянь лаодун дан вэйюаньчжан Цзин Чжэн Энь цзай Далянь цзюйсин хуйу: [Си Цзиньпин провел в Даояне переговоры с председателем Трудовой партии Кореи Ким Чен Ыном] // Жэньминь жибао. 09.05.2018.
18. Хайгуань тунци: [Таможенная статистика]. Пекин, 2017. № 12. С. 114.
19. China, ASEAN arrive at single negotiating text of COC in South China Sea // Xinhua. August 03, 2018. URL: en.people.cn/n3/2018/0803/c90000-9488279.html.
20. См.: URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5188>.
21. Пять лет инициативе «Один пояс один путь». URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2018/0807/c95181-9488532.html>.
22. «И дай и лу» цзяньшэ фачжань баогао (2018): [Доклад о развитии строительства «Пояса и пути» (2018)]. Пекин, 2018.
23. Ван И юн 6 гэ цы гайко 2018 нянь Чжунго вайцзяо: [Ван И использовал 6 слов для того, чтобы обобщенно охарактеризовать дипломатию Китая в 2018 г.]. URL: <http://world.people.com.cn/n1/20181211/c1002-30460426.html>. Дата обращения: 11.12.2018.